

Е. Д. КУКУШКИНА

ПЕРЕВОДНАЯ НОВЕЛЛА В РУКОПИСНЫХ СБОРНИКАХ XVIII в.

Несмотря на значительные успехи книгопечатания, достигнутые Россией в петровское время, значение рукописной книги в жизни демократических слоев общества не уменьшалось почти до конца XVIII в. Сохранение рукописной традиции стимулировалось тем, что художественная литература долго оставалась одним из самых слабых звеньев книгоиздательства.¹

К числу произведений, которые продолжали пользоваться популярностью у составителей рукописных сборников, относятся фации, пришедшие в Россию в XVII в. благодаря польскому посредничеству² и познакомившие русских читателей с западноевропейской новеллой разных типов — от анекдота до развернутой новеллы. В фации попали сюжеты из разных источников, в частности из книги Поджо Браччолини, из сборника Иоганна Паули «Забавное и серьезное», из «Гептамерона» Маргариты Наваррской. А. Н. Пыпин указал шесть сюжетов, перешедших в фации из «Декамерона» Боккаччо. В основе некоторых сюжетов были «Повесть о семи мудрецах», «Апофегмата» и рассказы из других сборников,³ предназначенные для того, чтобы веселить и забавлять читателя, но отнюдь не поучать его. «Русскому читателю предстояло понять, что похождения героя в плутовской новелле, описанные без тепи порицания, — не образец для подражания, а материал для развлечения. Для этого надлежало

¹ См.: Луннов С. П. 1) Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 107—108; 2) Книга в России в послепетровское время. Л., 1976, с. 99—100.

² Державина О. А. Фации. Переводная новелла в русской литературе XVII века М., 1962. Далее: Державина О. А. Фации; *Walczak B. O przekładach facycj polskich na język rosyjski. — Slavia Orientalis, 1972. N 1, s. 47—64.*

³ См.: *Brückner A. Facycje polskie z roku 1624. Kraków, 1903; Пыпин А. И. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1867, с. 276—277; Державина О. А. Фации, с. 32—39; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 544.*

усвоить, что новелла пользуется некоторыми эстетическими сигналами, говорящими о художественной условности изображаемого мира. Главный из этих сигналов — смех, причем уже не средневековый «смех над самим собой», а смех над каким-либо объектом. Именно смех сигнализировал, что мир новеллы, при всем его миметическом реализме, — это мир игры, а играющий человек неподсуден. Новой русской литературе предстояло научиться смеяться».⁴

Незнакомые прежде эстетические идеи постепенно усваивались русскими читателями, проникали они и в оригинальную русскую литературу.⁵

Однако русский книжник часто пытался найти компромисс между старым, привычным и новым, приспособляя фацеции к традиционному читательским вкусам. Из 170 рассказов оригинала переводчик фацеций выбрал всего лишь около 70, исключив сюжеты с ярко выраженной антикатолической темой, а также чересчур грубые и натуралистичные. В то же время в «русские» фацеции были добавлены рассказы из «Великого зеркала» («О глаголющей, яко луг не покошен, но пострижен»), из западноевропейских сборников, восходящих к латинскому «*Democritus ridens*» («О Пиктаке и о жене его»), анекдот Поджо Браччолини, не включенный в польский сборник фацеций («Издевка молодых над стариком»).⁶ Источники двух сюжетов — «О вымысле попадья» (как женщина научила грамоте медведя, заставляя его лапой перелистывать книгу, между страницами которой лежали блины) и «О бабе, обманувшей демона» следует искать в народной сказке. В первой фацеции нет основных признаков новеллы — единства сюжета и остроты заключительного эффекта. Действие замедлено сообщениями о конфликте между попом и «неким благоплеменитым человеком» и о возможности различного выхода из конфликта: поп должен или научить медведя грамоте, или «пени платити». Развязка становится ясна уже в середине рассказа. Сюжет фацеции «О бабе, обманувшей демона» держится на обычной сказочной основе — выполнении трех сложных заданий. Последнее оказывается демону не под силу. В одном из вариантов этого рассказа (ГПБ, Q.XVII.57 Бусл. 92) сохранилась типичная для сказки бытовая деталь: «Пришел бес к бабе. Баба же спит на печи. . .» (л. 308 об. — 309).

О. А. Державина указывает 25 сборников XVIII в., из которых 10 содержат полные списки фацеций (70—72 рассказа), 4 дефектных списка и 11 списков, где фацеции в том или ином количестве объединены с другими произведениями.⁷ Последний раздел мы можем дополнить еще 6 сборниками: 1) ГПБ, Погод. № 1603 — начало XVIII в.; 2) ГПБ, Q.XIV.27 — первая половина

⁴ История русской литературы. Л., 1980, т. 1, с. 377.

⁵ См.: там же, с. 377—384.

⁶ См.: Державина О. А. Фацеции, с. 47—48.

⁷ См.: там же, с. 95—103.

XVIII в.; 3) ГПБ, Собр. Михайловского. Q.550 — 1760—1770-е гг.; 4) ГИМ, Муз. № 1463 — 1770—1780-е гг.; 5) ГИМ, Увар. № 599 — середина XVIII в.; 6) ГИМ, Увар. № 2053 (1084) — XVIII в. В четырех сборниках фацеции соседствуют с жартами: 1) ИРЛИ, Собр. Перетца № 213 — 30—50-е гг. XVIII в.; 2) Собр. Географического о-ва СССР. Разд. 14, оп. 1, № 9 — 1760-е годы; 3) ГПБ, ф. 299, № 562 — 1760-е гг.; 4) ГБЛ, ф. 218, № 900 — конец XVIII в.⁸

Сборники неустойчивого состава, в которых фацеции объединялись с другими произведениями, до сих пор не привлекали внимания исследователей. Однако они представляют особый интерес для изучения. Новеллы, оторванные от общего корпуса фацеции, подвергались существенным изменениям. Принцип отбора произведений, характер их обработки, их литературное окружение в сборниках позволяют судить о вкусах редактора-переписчика, об интересах читателей, о том, как шло усвоение западно-европейской новеллы на Руси.

В русской рукописной традиции особенно популярны были новеллы «Кассандры флоренския издевка над мужем, а к слуге милость», «Двух мужей две жены из разума вывели и обманули», «О молодой жене добрей и о старой злобней». Почти такой же интерес вызывали рассказы «Муж жену вместо кипы вверже в море», «Жена каялася, а муж подслушал», «О гражданине ушвающемся и о жене его», «О жене, всадившей мужа в полубочку». Новеллы требовали от читателя нового отношения к их условному художественному миру, однако традиция диктовала доверие к книге, однозначное ее понимание, необходимость нравственной оценки прочитанного. На полях сборника фацеций появляются приписки, зафиксировавшие их читательское восприятие. «В сей книге много есть написано и такого, которое никогда не бывало и быть не может, но есть также писано и случившееся, поверить невозможно. Но только разве тому верить, что писано про жен, то может такие и были и наперед может найдутся, но однако и нынче есть Эвдокия в слуху, что из-за мужей из-за своих с чужими забавляются и себя тешат» — гласит запись, сделанная в сборнике (БАН, 13.6.8, л. 56 об.), который пользовался популярностью почти до середины XIX в.: «Сия книга неизвестно каким образом перешла из посада в деревню, из деревни в другую, из другой опять в посад и в оном прочитана неоднократно для препровождения времени. А кто ие читал, тот и подписал своеоручно в 1830-м году 16-го числа в вечеру в среду» (л. 129). Читатель другого сборника более лаконичен. Повесть «О дворянском сыне» Леопольде он считает полезной: «Если кто будет читать о дворянском сыне, тот достойной будет человек и сам будет так жить и тому вечно служить» (л. 85), но чтение стихотворной

⁸ В связи с ограниченным объемом статьи палеографические описания сборников я вынуждена опустить.

фацеции «О непостоянной жене» не одобряет: «Кто будет знать не обьстоянной жене читать, тот будет самая каналья» (л. 94). В унисон этой записи звучит приписка «проклятые жоны», сделанная перед новеллой «О женах, обольстивших мужей и како муж пред женою каялся» (БАН, 45.5.37, л. 167 об.).

Одним из свидетельств приспособления фацеций к русским читательским вкусам является замена переведенных с польского оригинала «виршиков» новыми. Эти стихотворные концовки присоединялись к тексту новелл по-разному. Иногда в них звучал голос автора, как, например, в рассказе «Девка веню юношу обольстила»: «Того ради даю совет женитися хотящим, да памятуют на се виршик: Не ищи много злата, да не будет сердцу твоему великого плача».⁹ В других случаях виршики не имели даже обычных для подобных сентенций формул «говорят...», «сказано...» и присоединялись к тексту механически.

Интересно вводится виршик в фацеции «Како прииде шпынь исповедатися пред попа». Оставив попу в обмен на одежду «гомлю золота величеством яко яйце», ловкий плут исчез. При проверке вместо золота «явися олово с свинцем смешано и позлащено. Поп, видя сие, зело оскорбися и написа на стене: Всяк, иже лакомство имет, Ногу свою на оно не размыслиа удобь подвинет».¹⁰

Переписчики фацеций обращались с виршиками по своему вкусу. Их опускали, сокращали, делали складнее. Так, в фацеции «О неведущем языка воложска» (ГПБ, Q.XV.97) виршик «Правда, полчеловека в чужой земли без языка» заменен на другой: «А правда истинно велика — Полчеловека в чюжей земли без языка».

Иногда переписчик придумывал вместо старого новый виршик, который, как ему казалось, больше отвечал содержанию рассказа. В фацеции «О индерлянском плуте, краву украдшем» (ГПБ, Q.XV.27), герой которой своими руками отдает вору корову, вместо заключительной морали «Всякому прежде познати достоит, К чему кто речь свою приводит» читаем: «Како злодеев блюстися подобает, Занеже всегда тебя зло умудряют».

В некоторых случаях по воле переписчика-редактора фацеции приобретали не то значение, которое имели в оригинале. В сборнике ИРЛИ, собр. Перетца, № 213 заключительные двуступища присоединены к анекдотам, не нуждающимся в комментариях. Автор истолковывает их смысл в духе назидательной литературы. Фацецию «О красоте старых», высмеивающую красящихся старух, он заключает сентенцией: «Старость есть человеку предверие смерти, человек не может от той убежати сети». Анекдот «На украшение юнош», в котором говорится о кокетливых мужчинах, заканчивается словами: «В юности человек весьма процветает, Старость же достигши, скоро увядает» (л. 157 об.—158).

⁹ Цит. по кн.: Державина О. А. Фацеции, с. 143.

¹⁰ Там же, с. 123.

Пространной моралью заключается фация «О пьяном мужике» (ГПБ, Погод., № 1777) — один из многочисленных вариантов интернационального сюжета «Калиф на час»:

Надо всеми нами то бывает,
Земная слава и честь, аки прах исчезают.
Днесь человек аки цвет расцветает,
А поутре уведает и вскоре отпадает.
Честь, благородие и слава минется,
Красота, мужество и мудрость в ночь то обратится.

Составители сборников свободно обращались не только с виршиками, но и с самими текстами фаций. В основе рассказа «О пьяном мужике» лежит фация «О цезаре Каролусе, како пьянство изобличи», но на первом плане здесь не задуманное заранее «изобличение пьянства», а случай: «Король поехал гулять и увидел мужика, лежаща среди площади пьянова и безо всякой памяти». По приказу короля мужик был доставлен во дворец и наутро проснулся в царской одежде в окружении придворных. Повествование изобилует подробностями, которых нет ни в «каноническом» тексте фаций, ни в других списках. Мужика окружают генералы, ему подают прошения, потом ведут его в царские сады и зверинцы, а затем на бал, где он с «богато убранными дамами и девицами и придворными кавалерами начал с великим веселием танцовать и веселится. . . Великими пукалами стал пить крепкие папитки» и сделался так пьян, что «уцал бес памяти и стал быть без всякого ответу». Проснувшись «между небом и землею в навозе, в старом своем пьяном и разодранном платье», мужик решил, что это «творилося сновидение».

Для рассказа характерна еще одна особенность: сюжет излагается в разговорной манере. Это видно из общего тона повествования, нейтральной лексики («пошел король гулять») и особенно свойственного устной речи совмещения нескольких точек зрения в пределах одного предложения, когда косвенная речь незаметно переходит в прямую: «. . . и принесли ему множество драгоценного одеяния и рекли ему, какое он, королевское величество, платье поволит сего дня надеть. . . Одели ево, аки короля, и рекли ему, что уже все генералы и министры в передней сале собралися на поклон к вашему величеству».

В той же манере излагаются рассказы «О солдате», «О фершале» и «О слуге» из того же сборника.

Рассказ «О солдате» — переработка фации «Муж жену вместо кипы вверже в море». Фация и рассказ на ее сюжет по-разному трактуют «тяжелость жены». В фации жена утомляет мужа своим характером. Не случайно один из вариантов названия этой новеллы: «О тяжести нрава женского». В рассказе поступок солдата объясняется обременительностью женщины для человека, жизнь которого связана с походами и битвами.

Сюжет фации «О Августе Кесаре и о ближнем его сановнике» излагается в рассказе «О слуге». Он значительно ближе

к своему источнику, чем предыдущие, хотя несколько сокращен и вместо Августа в нем действует «Цесарь Сигес Мундус». Есть некоторые отличия и в конце рассказа. Когда слуга, не получивший ничего за свою верную службу, но сумевший остроумно намекнуть об этом государю, неудачно выбрал из двух предложенных ему одинаковых сосудов тот, что со свинцом, цесарь сказал ему: «Смотри, какое твое бедное щастие». (В фации после этого царь «даровал ему и другой ковчег со золотом»). Рассказ заканчивается виршиком, осуждающим богатых и жадных: «Досаднее того на свете несть, Как голодному не давати есть».

Создавая новые редакции фаций, русские книжники по сути дела разрушали новеллистические конструкции оригиналов, в которых сочетались ирония и дифирамб, развенчание героев и восхищение ими. Амбивалентный сюжет, допускающий разное понимание и разную оценку, под пером русского редактора, стремящегося традиционно, в духе христианского средневековья истолковать все живые и непривычные для русской литературы ситуации фаций, часто становился одноплановым. Новелла превращалась в поучительный рассказ.

Сам предмет изображения — женщины, обманывающие мужей, плуты, нарушающие нравственные заповеди, — влиял на характер обработки. Потому сюжеты фаций в конце XVII—начале XVIII в. иногда истолковывались в правоучительном плане, а сами новеллы объединялись в сборниках с разнообразными переводными произведениями, в основном «учительными». В сборник конца XVII в. (ГПБ, ОЛДП. Q. XVIII) наряду с полным корпусом фаций входят выписки из «Римских деяний» («О слабости жен», «О похоти плотской и о заслеплении прельстившихся», «О небрежности и крепости тела, глаголемая виною, яко не веряти тайны женам» и др.), «Повесть о семи мудрецах», несколько притч о царе Соломоне, «Беседа отца к сыну о женской злобе». Читатель мог найти рядом с обработкой 9-й новеллы 2-го дня «Декамерона» («Повесть чюдна есть, како жена избави мужа своего от смерти») повести «О царице и львице», «О святых великомучениках Киприане и Устине» и т. д. Сборники ГПБ, F. XV. 34, ГПБ, Q. XV. 97 (40-х гг. XVIII в.), ГПБ, Погод., № 1603, ГПБ, Титова, № 4182 (1729 г.), ГПБ, собр. Михайловского, Q. 550, ГИМ, Муз., № 1463 наряду с фациями содержат близкие им не только идеологически, но и по жанру рассказы из «Римских деяний» и «Великого зеркала». В сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 599 после фаций помещена выписка из «Философских разговоров» об Александре Феринском царе, убитом женой. Аналогичен указанным выше и сборник ГИМ, собр. Увар., № 2053 (1084), а также сборная рукопись БАН, 45.5.30, принадлежавшая Ф. И. Буслаеву. Она состоит из трех частей, сшитых уже в XIX в. В последней части (л. 129—211 об.) с фациями объединены «Повесть об Удоне» (из «Великого зеркала»), «Сказание о князьях христианском и жидовском», «Повесть о посаднике Шиле».

Вместе с тем *фацеции* входят в состав сборников, общий характер которых можно определить как авантюрный и сатирический. Так, рукопись БАН, 13.6.8 наравне со старыми переводными произведениями — «Повестью об Акире» (второй русской редакции), «Историей о португальском и браденбургском мудрецах», 16 *фацециями* и 14 рассказами, подобными *фацециям*, но взятыми из другого источника (перевод тоже с польского оригинала), — содержит и русские оригинальные произведения — близкую к анекдоту «Повесть о бражнике» и юмористическое «Сказание, како делать пирог про свой обиход без муки и воды, ни печен, ни варен, ни жарен». Сходна с ней по составу 2-я часть (л. 103—309 об.) сборной рукописи конца XVII—начала XVIII в. ГПБ, Q.XVII.57 (Бул., 92): «Акир», «Кур и лисица», фольклорная «Повесть о Иване Пономаревиче, како имел браць с турецким султаном», повести «О бражнике» и «О Ерше-Ершовиче». Аналогичный состав имеют 2-я часть (л. 79—122 об.) сборной рукописи ГПБ, ф. 299, № 486 и третья часть (л. 39—110 об.) сборной рукописи ГПБ, Титова, № 1627 (1750—1760 гг.).

С середины XVIII в. литературным окружением *фацеций* становятся произведения исключительно сатирические и юмористические. Большую популярность приобретают стихотворные обработки *фацеций* — *жарты*.

Анализируя состав и стилевые признаки семи рукописных сборников стихотворных *фацеций* XVIII в., А. В. Кокорев сделал вывод, что все эти сборники имеют одни и те же источники: сборник ГИМ, № 1623, не дошедший до нас в полном виде, один из списков *фацеций* XVII в. и прозаический рассказ о похождениях шута. Переработку прозаических рассказов в стихотворную форму Кокорев относит приблизительно к 20—30-м гг. XVIII в.¹¹ В. П. Адрианова-Перетц в неизданной работе «Стихотворные *жарты* XVIII века» выделяет старший цикл — «забавные *жарты*», возникшие, по ее мнению, не ранее рубежа 1730—1740 гг. и использовавшие сюжеты некоторых *фацеций*, и «фигурные *жарты*», появившиеся в 1740—1750-е гг.¹²

Составители *жарт* перелагали в стихотворную форму те *фацеции*, которые были широко распространены в прозаических вариантах. В. П. Адрианова-Перетц указала на две стихотворные обработки *фацеций*. О. А. Державина называет еще четыре, включая в это число обработку рассказа «О лукавой жене», которого нет в русском сборнике *фацеций*, но который мог быть известен русскому читателю по польскому изданию. *Жарт* «О непостоянной жене» является стихотворной переработкой *фацеции* «Дву мужей две жены из разума вывели и обманули», в основе *жарта* «О старом муже» — новелла «О гражданине упивающемся»

¹¹ См.: Кокорев А. В. Русские стихотворные *фацеции* XVIII века. — В кн.: Старинная русская повесть: Статьи и исследования. М.; Л., 1941, с. 216—241.

¹² См.: Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958, с. 19—20.

и о жене его», прозаический вариант жарта «О дворянине и мужике» носит название «О дворянине и прокураторе», жарт «О воре» перелагает сюжет фацеции «О нидерландском плуте, краву украдшем», а стихотворный рассказ «О другой девице» — фацецию «О двух девицах и о балвере».¹³

К этому списку добавим стихотворную обработку новеллы «О жене, всадившей гостя в полубочку» — (2-й новеллы 7-го дня «Декамерона») — жарт «О лукавой жене». Название его совпадает с вариантом рассказа из польского издания, который указала О. А. Державина. В основу жарта «О некоторых двух товарищах, которые между собою дружно жили» лег один из эпизодов новеллы «О сницаре и о плотяном истукане» (8-я новелла 8-го дня «Декамерона»).

Анализируя жарты на фольклорные сюжеты, В. П. Адрианова-Перетц писала: «Своеобразный рифмованный стих жарт <...> носит на себе следы влияния того прибаутчного стиха, который еще в XVII веке организовал ритмическую речь многих произведений демократической сатиры, а в XVIII веке продолжал развиваться в балаганных представлениях, в кукольном театре, в зазываниях ярмарочных продавцов и в юмористических, не лишенных и сатирической тенденции пародиях».¹⁴ Эту характеристику можно без поправок отнести и к стихотворным жартам на сюжеты фацеций. Жарты «иначе оценивают женское „непостоянство“ и „увертки“, помогающие в любовных приключениях: в жартах слышно скорее сочувствие женской изобретательности и насмешка над обманутым мужем».¹⁵ Но не всякий переписчик мог удержаться от своей оценки семейных конфликтов, изображенных в жартах.

Поскольку сборник ГПБ, Погод., № 1777 содержит наибольшее их число — пять из восьми, — примем его за основу при анализе переработок, привлекая другие сборники только в тех случаях, когда они дают существенные разночтения.

Одним из самых популярных в русской рукописной традиции был жарт «О непостоянной жене» — он встречается в 10 списках.

Перелагая сюжет фацеции, автор жарта сразу подчеркивает, что основная черта его героини — непостоянство и интерес ко многим «младым юношам». Узнав об этом, муж опечалился,

Не знал, что с нею боле чинить,
И от такового злодейства отлучить,
Разговаривал с ней и притчи ведал,
С ласканьем любовно от того отвращал.

¹³ См.: Державина О. А. Фацеции, с. 82.

¹⁴ Адрианова-Перетц В. П. Фольклорные сюжеты стихотворных жарт XVIII века. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л., 1959, с. 50.

¹⁵ Адрианова-Перетц В. П. Стихотворные жарты XVIII в. и традиции древнерусской литературы. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: XVIII век. М.; Л., 1966, сб. 7, с. 41—42.

Жена обвиняет женщин, подавших ей дурной пример, и обещает «впредь того не чинить». Однако вскоре она принимается «за то же злодейство». Застав в доме «любителя», муж избил жену, но прошло лишь «краткое время» и она опять принялась «ту пакость творить». Это трехкратное замедление действия, свойственное сказочным сюжетам, в новелле отсутствует. В жарте жена получает заслуженное наказание. Вспомним, что прозаическая фацеция заканчивается по-другому. Купец «когда-либо виде (жену), забавляющуюся с любезным Фридрихом или что иное лукавое творяше, не веря очесам своим». Не случайно в названии этой новеллы по рукописи БАН, 13.6.8 добавлены слова «и муж жену всю жизнь за святую почитал».

Существенную переработку той же новеллы находим в сборнике ИРЛИ, собр. Перетца, № 404 (л. 44 об.—49 об.). Здесь изменен только конец рассказа, но это дает жарту совершенно иное прочтение.

После того как муж якобы отрезал жене нос, он жестоко избил ее. И тут появляется частый персонаж русских сказок и участник площадных представлений — медведь:

Умыслил любитель пред вороты прибежать
И своего медведка к столбу привязать.

Кинувшись с собаками за медведем, хозяин забыл закрыть дверь клетки, дав жене возможность убежать. И потом

Жил, не тужил и не опасался...
Не тосковал по жене своей...
Ибо постоянная жена двор пометает,
А ... всякого сору и святяга довольно накидает.

Симпатия автора переработки явно на стороне мужа, который избавился от неисправимо блудливой жены.

Стихотворный жарт «О старом муже» (ГПБ, Погод., № 1777, л. 145—147 об.) — переработка фацеции «О гражданине упивающемся и о жене его», тоже значительно сокращен по сравнению с прозаическим вариантом: в большинстве случаев опущена прямая речь, поступки героев мотивируются иначе. Муж здесь не пьяница, к которому жена постепенно охладела, а старик. Это сближает жарт с рассказом второго мудреца «О старом рыцаре и о молодой жене» из «Повести о семи мудрецах», который имеет тот же сюжет, но другое окончание и иную, моралистическую трактовку.

Обращает на себя внимание то, как вводятся в этих жартах реплики героев. Перед прямой речью вынесены слова «Муж, жена» или ремарки: «кричал, и сказала, закричала». В одном из сборников (ГБЛ, ф. 218, № 900) они выделены графически — подчеркнуты. Интересно, что в этом сборнике стихотворные жарты соседствуют с интермедиями о Гаере. В другой рукописи (ГПБ, собр. Титова, № 1627) прямая речь вводится словами «муж говорит», «жена говорит», нарушающими, если их произносить, ритм стиха.

Любопытно, что в фации не два действующих лица: там присутствуют еще и соседи: «И егда им тако крамолящимся, услыша сие соседи кийждо из своего окна поглядуя, комедию ону хотя уведати». Их насмешки и вынуждают мужа согласиться на примирение с женой. В жарте этот эпизод опущен. Но если представить стихотворный вариант фации разыгранным в ролях, то функцию соседей — осмеяние — могли выполнить зрители.

У нас нет сведений о том, что стихотворные жарты на сюжеты фаций разыгрывались за ширмой райка, но близость некоторых из них к раешному стиху несомненна.

Жарт «О лукавой жене» (л. 87 об.—88) — стихотворный вариант новеллы «О жене, всадившей гостя в полубочку», известный нам только по единственному списку сборника из собрания Погодина (№ 1777), до сих пор не упоминался исследователями.

Излагая события в той же манере, что и другие жарты этого сборника, стихотворный рассказ почти не отступает от сюжета новеллы. Однако содержание рассказа отличается от голой новеллистической схемы динамикой, создаваемой живой и выразительной речью героев:

... Жена, услыша мужа своего приход,
Показывает другу скорой уход:
Пожалуй, друг мой, убирайся,
В сених, где можно, укрывайся...
И как муж вошел в сени, усмотрил,
«Что за фигура?» — жене своей говорил.

Она отвечала:

«Господин мой, изволь знать,
Сей полубоченок излишний надо продать.
Етот человек с охотою ево торгует,
Того ради, нет ли в нем дыр, пробует.
И стала говорить: «Господин, изволь вылезть вон,
Так не усмотришь, крепок ли он,
Вот я воды волюю, лутче усмотришь,
Ежели вода потечет, то разсмотришь».
Любитель вылезть рад — освободился от беды.
Говорит: «Он крепок, не надо и воды...»

Притча:

Ежели женские обманы писать,
Надобно великия книги держать.

Народная мечта о справедливом суде и о том, как мужик может оказаться находчивее дворянина, отразилась в жарте «О дворянине и мужике» (л. 131—132 об.), в основе которого — сюжет фации «О дворянине и прокураторе». Герой жарта — не некий «общежительный человек», а крестьянин:

Дворянин некогда дорогою шел впереди,
А мужик крестьянин брел позади,
Которой вез на лошади дров продавать,
Чем бы себя с женою пропитать.
И кричал так дворянину: «Господин, берегись,
видишь, с возом еду, посторопись!»

Спесивый дворянин сделал вид, «будто не слыхал», и мужик, понав ему оглоблею в спину, разорвал его епанчу.

На суде дворянин излагает по-своему случившееся происшествие, однако мужик оказывается хитрее. О чем бы его не спрашивали, он

На сут только взирает,
Никаких речей ему не объявляет...

В фации такую линию поведения подсказывает «общежителю человеку» прокуратор. Судья принимает крестьянина за него. И тут дворянин невольно разоблачает себя, горячо доказывая, что мужик только что громко кричал, прося его посторониться. Тогда судья

... велел дворянина прогнать в толчки,
Дать ему в спину хорошие тычки.
И тако мужик ставился праву,
Дворянин же понес на себе штрафу.

Произошла замена действующих лиц, появились некоторые подробности — и беспредметная шутка фации (О. А. Державина относит ее к новеллам о разоблаченных и посрамленных глупцах и обманщиках) стала содержать элементы социальной сатиры. Этот сюжет использовал с сатирической целью М. А. Мартинский в комической опере «Санкт-Петербургский гостинный двор» (1791).

Почти дословно пересказывает фацию «О нидерландском воре» стихотворный жарт «О воре» (ИРЛИ, собр. Перетца, № 213, л. 113—114), только действие переносится в русскую деревню. Этот жарт почти без изменений вошел в лубок, став подписью к девяти картинкам.¹⁶

Пространный стихотворный рассказ «О некоторых двух товарищах, которые между собою дружески жили» (ГПБ, Q.XIV.27, л. 68—76), внесенный составителем сборника в разряд «Гистории о разных курioзных амурных случаях», несомненно является самостоятельным творчеством русского автора, хотя один из эпизодов взят из фации «О сницаре и плотяном истукане».

Для рассказа характерно смешение переводной лексики с русскими словами и выражениями: сапожник пошел торговать «в ряд», юноша обращается к женщине «с прешпектом», обещает ей «25 червонцев» и уверяет, что никому не раскроет тайну «кроме моего творца верного». Муж прячется в «чулан». Жена обещает любовнику «Поутру встав, чаю накушаем», и он стоит у стены «без партков». Подавая обед мужу, женщина приговаривает:

«Нет иных слатких вещей,
Кроме как с мясом щей.
Чтоб больше то и еда вить наша,
Как с маслом есть каша.
Будете будто как щи хлебать...»

Убежав, «любитель» оставляет свой «мундир» и мечтает о «реванже», а потом оправдывается перед женщиной: «Напрасно плевели всеваешь на меня».

¹⁶ См.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881, т. I, № 63.

Такое сочетание лексики помогает датировать рассказ. По-видимому, он возник в начале XVIII в. Этому не противоречит и время создания сборника: 10—40-е гг. XVIII в.

Перенесение действия на Русь, интерес к бытовым подробностям, стремление мотивировать поступки героев в сочетании со статичностью их характеров сближают новые редакции фацеций — и прозаические и стихотворные — с оригинальными русскими произведениями того же времени, например с «Повестью о бражнике», «Сказанием о крестьянском сыне», «Повестью о Шемякином суде».

Главное назначение стихотворных жарт, как понимает его русский книжник, — веселить, развлекать читателя: «...изволь забавлятца сими, многия от кручины избавляютца ими» (ГПБ, собр. Титова, № 3463, 1760—1770-е гг. (л. 0 об.)). На обложке этой рукописи видна полустертая запись: «Жарты читать, подобно как в карты играть».

В конце XVIII в. фацеции и жарты входят в состав сборников, которые содержат не только древнерусские оригинальные сатирические произведения, но и сатиру нового времени. Такой контекст подчеркивает их сатирический характер. Сборник ГБЛ, ф. 218, № 900 — рукопись разных почерков, но бумага однотипная — 1785—1795 гг. Стихотворное предисловие к книге свидетельствует о том, что она была оформлена как некое единство:

Духовный ли, мирской ли ты? Прилежно се читай.
Все найдешь здесь, тот и другой, но разумеь смекай.
Читай, да не осуждай, сам себе разсуждай.
Хотя что написано в ней и не ладно,
Да читай, будет складно.
Читать ея у безделья кому,
Только приятна быть может не всякому.
Другий и слушать не станет,
А чтец тогда и читать перестанет.
Охочей читать хочет,
А неохочей и в руки взять не хочет.
Есть тут и песенки хороши,
Только хозяину будут малы барыши.
Будут их от веселья петь-воспевать,
А хозяйскую вотку испивать (л. 2).

Содержание этого сборника очень пестрое, хотя ясно виден юмористический и даже сатирический его характер.¹⁷ прозаические и стихотворные фацеции, жарты о шуте, «Калязинская челобитная», «Плач холопов», «Сказание о попе Савве», «Сказание о куре и лисице», одноактная комедия «Гаерская свадьба», «Роспись о приданом», повести «О Шемякином суде» и «О Ерше-Ершовиче», «Челобитная на праотца Адама от крымских солдат». Однако не только это характеризует сборник. Дело в том, что многие произведения, вошедшие в него, являются выписками из печатных изданий. Фацеции выписаны из сборника «Товарищ

¹⁷ Подробное описание сборника см.: Зап. Отд. рукописей ГБЛ. М., 1960, вып. 23, с. 120—126.

разумный и замысловатый» (3-е изд., М., 1787, ч. II), из лубочных изданий — шуточные стихотворения «О Прохоре и Борисе», «О Фомушке», «О мастеровом, продавшемся бесу», из «Российской универсальной грамматики...» — стихотворение «О откупщике», в основе которого лежит эпиграмма А. Сумарокова «По смерти откупщик в подземную страну».¹⁸ Включены в сборник также «Ныне употребляемое саксонских крестьян „Отче наш“», приписываемое М. В. Ломоносову, эпиграмма А. П. Сумарокова «О игроке картежном» и его же эпистола «К неправедным судьям». Заканчивается сборник пословицами, расположенными в алфавитном порядке (от А до Фиты), загадками (175 штук), поговорками и прибаутками. Заимствование из печатной литературы расширило этот сборник до настоящего «свода сатиры». Это — новый тип рукописной книги, до XVIII в. не встречавшийся.

Познакомившись с произведениями одного из родоначальников литературы Возрождения по рукописным сборникам фацеций, русский читатель только в середине XVIII в. увидел их в печатном издании. Сначала на страницах журнала воспитанников Московского университета «Доброе намерение» в марте 1764 г. была опубликована новелла «Ивана Бокация славного флорентинца Сокол», в стихотворном переложении В. Д. Санковского. Позже тиражом 800 экземпляров вышла книга «Бокациевы сказки» (СПб., 1767), о составе которой мы судить не можем, так как ни одного ее экземпляра пока не найдено.¹⁹

Фацеции, принесшие в русскую жизнь новые нравственные представления, а в оригинальную русскую литературу новые эстетические принципы, долго оставались в рамках древнерусской рукописной традиции. Обыватели переписывали их и в середине и в конце XVIII в., а читали и того дольше. 26 апреля 1751 г. сделал помету на книге фацеций «сибирской провинциальной канцелярии канцелярист» Филипп Васильевич Попов (ГБЛ, ф. 299, № 13, л. 3). Собственностью «купца Григория Родионова сына Плохова» и «князя Николай Ивановича Трубецкого служителя ево Александра Столпакова» являлся сборник 1770—1780-х гг. (ГБЛ, ф. 299, № 486, л. 31 об., 63 об.). Фацеции входили в состав библиотеки рукописных книг, собранной в конце XVIII в. капитаном Мордвиновым. Сборник, созданный в первой половине XVIII в. (БАН, 13.6.8), в 1763 г. был собственностью «города Ваги, верхневажского посаду купца Василия Ржинова». Эта рукописная книга была «взята читать» даже в «1828-м году от святок» (л. 41, 128 об.).

Русские редакции фацеций представляют собой интересный факт усвоения жанра новеллы в иноязычной читательской среде. Они дают материал для изучения взаимодействия рукописной и печатной литературы в XVIII в.

¹⁸ См.: Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957, с. 257.

¹⁹ См.: Шамрай Д. Д. Цензурный надзор над типографией сухопутного шляхетного кадетского корпуса. — В кн.: XVIII век. М.; Л., 1940, сб. 2, с. 328.